

рую защищает автор? Увы, на эти и подобные им вопросы автор даже не пытается дать хотя бы самые общие ответы.

Что бы ни писал В. А. Звегинцев о нашей науке, я убежден, что советские ученые, самым тщательным образом изучая

лучшие достижения мировой науки о языке, будут и дальше развивать лингвистику на основе своих принципов и своей теории.

Р. А. Будагов

«Вести-куранты 1600—1639 гг.». Издание подготовили Н. И. Тарабасова, В. Г. Демьянов, А. И. Сумкина. Под ред. С. И. Коткова. — М., «Наука», 1972. 347 стр.

Более 300 лет находились в архивах рукописные памятники русской письменности первых десятилетий XVII в., получившие название «вестей», или «курантов». Публикации этих памятников в прошлом были выборочны (Ф. И. Буслаев, И. Е. Забелин, М. Петровский и некот. др.). Известна неудачная попытка Археографической комиссии подготовить их издание в 1901—1902 гг. к двухсотлетию возникновения периодической печати в России. Только в 1972 г. эти рукописи увидели свет.

В рецензируемом издании опубликованы документы деловой письменности первых десятилетий XVII в. (вести-куранты за 1600—1639 гг.), рукописи которых хранятся в Центральном государственном архиве древних актов (ЦГАДА) в Москве и в Библиотеке Академии наук СССР в Ленинграде. Издание подготовлено группой сотрудников Сектора лингвистического источниковедения и исследования памятников языка Института русского языка АН СССР Н. И. Тарабасовой, В. Г. Демьяновым, А. И. Сумкиной под руководством С. И. Коткова. Предполагается выпуск второго тома, в который войдут документы последующего периода.

В изданную книгу вошло 710 рукописных листов документов, занимающих 193 стр. печатного текста (стр. 21—214). Имеется, кроме того, приложение, содержащее черновые варианты текстов, указатели слов, личных имен, географических названий, иллюстрации — фотокопии некоторых текстов (стр. 215—343). В небольшом, но обстоятельном введении дана характеристика исторического периода, когда создавались опубликованные документы, сведения об истории их появления, о некоторых особенностях языка и др.

Изданные памятники являются в большинстве своем переводами, но среди них есть и оригинальные (отписка Н. Д. Вельяминова и М. Сомова из Архангельска царю Михаилу Федоровичу, фрагмент указа царя Михаила Федоровича Н. Д. Вельяминову и М. Сомову и некот.

др.). Содержание их очень разнообразно: информация из разных стран о военных действиях, походах, приготовлениях, о народных волнениях, политических событиях, договорах, о явлениях природы, пророчествах, чудесах и т. п. При подготовке издания вестей-курантов Археографической комиссией были разногласия о принципах издания — печатать только переводы документов или переводы и иноязычные оригиналы. Рецензируемое издание содержит только русские тексты без иноязычных подлинников.

Публикация рукописных памятников начала XVII в. является большим научным и культурно-историческим событием. Значение его особенно очевидно на фоне недостаточной изученности ряда аспектов истории русского языка XVII в., что обусловлено в известной степени отсутствием публикаций ряда рукописных источников, рассеянных по архивам и потому не всегда доступных исследователям. Между тем, как справедливо замечено в рецензируемой книге, «без учета специфики развития языка XVII столетия не может быть правильной интерпретации явлений и фактов языка последующих эпох и, в какой-то мере, минувших» (стр. 3). В изданных рукописях содержатся весьма важные сведения для изучения путей формирования русского национального языка в начальный период этого процесса, когда создавалось единое национальное государство.

Ф. П. Филин заметил, что «имеющие место в лингвистической литературе попытки видеть в языке того или иного памятника „русскую основу“ опираются часто лишь на субъективное восприятие, лишенное научной значимости»¹. В этой связи важным представляется то, что «тексты, составившие данную книгу, включая заметный элемент народно-раз-

¹ Ф. П. Филин. К вопросу о так называемой диалектной основе русского национального языка, сб. «Вопросы образования восточнославянских национальных языков», М., 1962, стр. 25.

говорной стихии, дают известное представление и о том лингвистическом основании, на котором впоследствии развивались научный и публицистический жанры литературного языка» (стр. 4).

Большие сложности для изучения представляет словарный состав рассматриваемого периода. Как писала Л. Л. Кутина, «XVI—XVII вв. — время больших изменений в словарной системе русского языка. К этому периоду относится распространение множества новых слов, ряды старых слов исчезают из употребления или отодвигаются в пассивный запас языка. Многие слова переживают в эту пору внутреннюю перестройку...»². Опубликованные рукописи дают много сведений об изменениях в лексической системе языка. В этих изменениях определенную роль играл процесс вхождения заимствованных слов. В установлении времени вхождения заимствованных слов нередко наблюдаются ошибки, которыми особенно страдают этимологические словари. Изданные тексты позволяют внести коррективы в хронологию заимствования ряда слов, причем эти уточнения касаются не только близких дат, как, например, у слов *герб*, *маркиз*, *солдат*, но и более значительных хронологических сроков. *Герб*, по данным «Этимологического словаря русского языка» М. Фасмера, встречается в русской письменности с 1644 г. (стр. 402), в действительности же оно отмечено раньше: *ербъ орель* (3, л. 11, 1620 г.), *шляхетнымъ гербомъ* (8, л. 1, 1625 г.), *золотых гербов* (23, л. 72, 1628 г.), *златый гербъ* (23, л. 73); *маркиз* (*марквис*) — с 1632 г. (стр. 574), на самом деле несколько ранее: *марквис Спинола* (23, л. 75, 1628 г.); *солдат* — «начиная с Кн. 0 ратн. строения Котошихина» (стр. 709—710), т. е. с 1647 и 1667 г., в действительности же ранее: *и корабли все потонули и У салдатов* (3, л. 10, 1620 г.; также в 4, л. 10, 5, лл. 21, 23, 33, 34, 36, 37) и др. Примеры более серьезных расхождений: *миля* — «начиная с Петра I, 1702 г.» (стр. 622 словаря Фасмера), в действительности ранее: *за чатьре милеи отселе* (3, л. 1, 1620 г.; также 5, лл. 18, 24; 6, лл. 30, 38 и мн. др.). О слове *католик* сказано: «первые *католикий*, прилаг. (Куракин, 1705)» (стр. 210), на самом деле ранее: *А меж католиков палъ страх великои* (31, л. 5, 1631 г.), *готят католики* (там же, л. 14). Намного ранее встречается и соответствующее прилагательное: *что в немъ католицкие вѣры посажена жили* (4, л. 3, 1620 г.). Можно привести и другие примеры уточнения хронологии появления в русском языке заимствованного слова. Некоторые из них названы во

введении к опубликованной книге: *барон*, *кавалер*, *монарх*, *привилегия* («привилегия»), *принц*, *ратуша*, *резидент*, *студент*, *фельдмаршалок*, *швадрон*, *галередам* («дамба»), *маршал*, *миллион*, *нетарда*, *президент*, *фенрих* («прапорщик»), *цитадель* (стр. 14); появление этих слов в русском языке относили ко второй половине XVII или к XVIII вв.

Опубликованные материалы позволяют не только уточнить хронологию заимствованных слов, но и точнее указать источник заимствования. Для многих иноязычных слов первые десятилетия XVII в. были периодом их вхождения в русский язык, периодом первоначального их усвоения, что отражает варианты, в которых они встречаются в опубликованных источниках и которые помогают зачастую выяснить пути заимствования иноязычной лексики, например: *католская* — *католитская* — *каталиская вера*; *шанц* — *штанц* — *шанец* — *шанца* — *шанса* — *шанцы* и *шансы*; *компанья* — *компанья* — *компания*; *канцлер* — *канслер*; *регемант* — *ригемант* и т. п.

Опубликованные документы будут незаменимым и исключительно богатым источником для изучения формирования в русском языке иноязычных географических и топонимических названий городов, рек и стран, а также названий жителей городов, народов. Это очень мало изученный лексический пласт, особенно в период их первоначального усвоения. Ср. названия городов и рек: *Парис*, *Елга* и *Элга*, *Дуселдорп*, *Дрезен*, *Андверп*, *Алжир*; названия народов и жителей городов: *францужаня* и *францужена*, *неаполитане* и *неаполяне*, *дюнкеркяне*, *итальяны* и *итальяне*, *вилицьяны*, *шкоты*, *немчин*, *бургундин*; прилагательные от географических названий: *прусский*, *шпанский* и *шпанской*, *флоренский*, *лотринский* («лотарингский»), *байерский* («баварский») и т. п.

Еще более широко представлены в изданных рукописях слова и формы, связанные с исконно русской основой языка XVII в., например: *коли будет нужна* (15, л. 7), *оставил позад себя* (л. 7), *ежеден* (л. 8), *переж весны* (16, л. 21), *дорогоцѣнные товары* (15, л. 16). Среди них имеются, в частности, материалы для изучения истории русской диалектной лексики. Хорошо известно, что проследить исторический путь многих диалектных слов очень трудно из-за отсутствия их следов в памятниках письменности. Тем более драгоценны те находки, которые можно обнаружить в изданных вестях-курантах, а они не редки. Приведем лишь два примера.

В русских говорах XIX—XX вв. встречается наречие *тай* «скрытно, тайно, секретно; незаметно для глаз»: «Из-под той было крутой горы... протекала тут тайя река. Сарат., 1850. Говорю тебе

² Л. Л. К у т и н а. К вопросу о синонимии в языке XVII в., «Уч. зап. ЛГУ», 243. Серия филол. наук, 42, 1958, стр. 104.

втай, не разбаивай. Пинеж., Арх. Арх.»³. Время образования его не известно. Однако опубликованные памятники свидетельствуют, что уже в XVII в. оно употреблялось нередко: *А в город в Турин пришил отць Латигиров ис Французские земли и с арцукомъ таи дблати нбкаторые дбла* (7, л. 253, 1622 г.; также в 17, лл. 36, 45; 19, л. 14 и ряде др.). В русских народных говорах имеется прилагательное *городовой* «городской»: «Олон. Шайжин. Не люблю я деревенских, не люблю городовых, люблю литейного завода из дена мастеровых (частушка). Гряз. Волог. 1926. Арх., Новг., Твер., Брян., Перм.»⁴. Вести-куранты зафиксировали употребление этого слова в XVII в.: *а велено ворот городовых беречи* (1, л. 56, 1600 г.), *и городовую бы стену опрокинуло в ров* (30, л. 36, 1631 г.).

Специфика содержания изданных рукописей — сообщения из иностранных государств о происходящих там событиях, — дает материал для изучения определенных семантических и тематических групп лексики. Значительная часть сообщений касается военных действий. В источниках широко представлена военная лексика и фразеология (ср.: *язык «пленный», рядовой, солдат, пропасть без вести, подводить подкоп, укреплять рубежи, взять приступом, взять в плен, передовой полк* и т. п.).

Для изучения истории словарного состава русского языка XVII в. большое значение имеют не только тексты памятников, но и включенный в приложение указатель слов, иногда с семантической характеристикой слова. В научный оборот вводится много новых, по сравнению со Словарем И. И. Срезневского, слов, хотя последний охватывает период и XVII в. Количество таких дополнений велико: *ага, агент, аглинский, агличане, африканский, башня, безверник, заводцу «зачинщик», замок «укрепленное жилище», заплата «плата», каторга «судно»* и мн. др. В словнике имеются сведения о семантике ряда слов: *заставить «загородить, укрепить; принудить»; знамя «полотнище на древке; войсковое подразделение; примета»; зелье «снадобье; порох»; крепость «укрепление; документ»; лето «время года; год»; мир «перемирие; народ»; приказ «распоряжение; учреждение; воинское подразделение»* и др. Указатель слов по существу выполняет роль самостоятельного словаря. Он будет очень полезен при

составлении словаря русского языка XVII в.

Опубликованные материалы дают сведения и по фразеологии: *годен как пятое колесо в телеге* (32, л. 22), *держатъ (на кого) невбрку* (22, л. 12), *отвбдать счастья* (50, л. 172);

по словообразованию — ср. материалы для изучения формирования словообразовательного типа на *-ственный*: *королевственный* (42, л. 5), *братственный* (6, лл. 66, 69), *соседственный* (29, л. 1; 31, л. 18), *рыцарственный* (6, лл. 72, 75; 23, л. 69); на *-ический*: *колониический* (1, л. 69) и др.

по синтаксису — ср. материалы для изучения безличных конструкций: *уговорено промеж ими* (41, л. 202), *у недругов же взято всё ихъ запасы* (34, л. 9), *у нег с шпанским стакано* (17, л. 50);

по изучению особенностей произношения: *оманути* (17, л. 46), *пят телехъ* (28, л. 53), *против очево недруга* (22, л. 5), *нихто* (1, л. 56), *четыри дни* (3, л. 1) и др.

Недочеты рецензируемой книги носят частный характер. Имеются некоторые неточности в указателе слов, в частности, спорно реконструируются отдельные исходные формы. Ср. в 17, л. 50: *у нег с шпанским стакано*. В указателе слов проведено *стакать* вместо ожидаемого *стакаться* (стр. 290). В указателе отмечено существительное *договоренность* (стр. 253), однако в тексте имеется страдательно-возвратная форма: *что мирном договоре что было в Монтъпилесо с арцуком Розанскимъ договоренос что острожек именем Логвилон сломат было* (22, л. 19). Аналогично в указателе *уговоренность* (стр. 293), в тексте: *такъ по прежнему и уговоренос промеж ими на томъ* (41, л. 202). В отдельных случаях неточно называется часть речи. Слово *круг* в указателе квалифицируется как наречие (стр. 262), но в тексте это предлог: *и поволено мужикомъ круг себя заплаты делат* (23, л. 64).

Опубликованные памятники начала XVII в. привлекут к себе внимание многих исследователей. Они подвергнутся всестороннему изучению и помогут решению неясных и сложных проблем истории русского языка того времени. Выход второго тома «Вестей-курантов» делает исследовательскую базу еще более прочной.

Работа по изданию древних памятников, в высшей степени трудоемкая, но крайне необходимая, должна всемерно развиваться.

З. М. Петрова, И. А. Попов

³ «Словарь русских народных говоров», V, л. 1, 1970, стр. 224.

⁴ Там же, стр. 60.